

Противниками Чэн Фэнтая за столом для игры в маджонг были его младший шури́н Фань Лянь, а также дама и юная барышня из богатых и знатных семей. Всего в двух ярко освещённых [1] залах стояло шесть таких столов. Принадлежащие к одному классу люди приходили сюда по вечерам, чтобы хорошенько поразвлечься, поочерёдно закатывая банкеты в честь праздников, отмечая очередную свадьбу [2] или рождение ребёнка, — проще говоря, изыскивали всевозможные предлоги, чтобы поесть и выпить в шумной компании — без этого не обходилось и дня.

По соседству с играющим в маджонг Чэн Фэнтаем сидела до странного тихая в окружающем гомоне Чача-эр в красном платье западного покроя, которая чистила и поедала виноград. Чэн Фэнтай то и дело поворачивался к сестре, в шутку требуя у неё лакомство; та старалась его игнорировать, а когда у неё кончалось терпение, затыкала брату рот виноградинками.

Фань Лянь болтал и смеялся, позабыв о всякой сдержанности. Он закурил было сигарету, собираясь затянуться, но Чэн Фэнтай устремил на него пристальный взгляд:

— А ну убери! Тут моя младшая сестра, она будет кашлять.

Неохотно отложив сигарету, Фань Лянь пожаловался:

— Старший зять, не принимай на свой счёт, но мы же сюда играть пришли, зачем же ты привёл третью сестрёнку? Уже так поздно, деткам пора спать.

Услышав, что речь зашла о ней, Чача-эр тотчас оторвалась от винограда. Пара больших светлокари́х глаз, блестящих в свете ламп, будто два холодных огня, уставилась прямо на мужчину, да и само её ярко-красное платье поневоле навевало тревогу. Фань Лянь при взгляде на неё всегда чувствовал, что в неизменной молчаливости этого ребёнка есть что-то пугающее. Красивые черты её лица прямо-таки источали ледяной холод и резкость, непонятно от кого унаследованные. Говорили, что её происходящая с южных рубежей мать была дочерью иного народа, чуть ли не мяо [3] — вот уж воистину ядовитая штучка!

— И правда, второй господин мало того, что привёл ребёнка, так ещё и курить не даёт, совсем нас задушил! — тотчас принялись напропалую жаловаться затаившие смертельную обиду женщины.

— Да что там маджонг, второй господин её везде с собой водит! В прошлый раз на деловые переговоры с моей семьёй тоже её взял.

— Позвольте спросить, второй господин, а третья барышня правда ваша родная сестра? Вы совсем не похожи. К тому же, где же вы видели, чтобы старший брат относился к сестре с такой нежностью, дурачите вы нас, хе-хе!

Едва об этом зашла речь, как все рассмеялись, поняв скрытый смысл этой фразы. Сам объект шутки с улыбкой скользнул по ним взглядом:

— Как можно болтать подобное, а? Эта шутка зашла чересчур далеко. — Приобняв Чачу-эр за плечи, он попросил: — Сестрёнка, поди-ка сюда, вытяни для старшего брата костяшку!

Сжав костяшку, Чача-эр измазала её липким виноградным соком. Чэн Фэнтай обтёр её об одежду и перевернул, убеждаясь, что выиграл. Склонившись к сестре, он сжал её лицо обеими руками и с чувством поцеловал.

— А-ха! Знайте, что я везде беру её с собой потому, что она — моя Lucky Star [Счастливая звезда]!

Отдавая ему фишки, Фань Лянь сердито бросил:

— Нечего бахвалиться! У меня тоже есть младшая сестра, в следующий раз приведу свою Цзиньлин-эр!

— Кстати о моей младшей свояченице, — тотчас отозвался Чэн Фэнтай, — скажи-ка мне, Лянь-гэ, отчего мою жену зовут Фань Ю, тебя — Фань Лянь, а в имени свояченицы откуда-то взялся «Цзинь»? Что за путаница такая? [4]

— Когда родилась третья сестра, наши владения пострадали от саранчи, урожай был плохой, и мы потеряли много денег. Гадатель сказал, что это оттого, что у меня с сестрой в именах слишком много воды, вот богатство в ней и тонет. Поэтому пришлось отцу присоединить к имени младшей сестры иероглиф «металл» — Цзинь.

Все в унисон издали протяжное понимающее: «А-а-а!» — подобные подробности из жизни состоятельных семей всегда были достойным обсуждения предметом.

— У второго господина Фаня на севере ещё есть пастбища? — спросила сидящая справа девушка.

Расположившаяся напротив дама, бросив взгляд на Фань Ляня, со смехом сказала ей:

— Не только пастбища, а ещё и несколько гор, и собственная охрана. Семья Фань владеет настоящей крепостью, они истинные короли границы! Та, что выйдет за него замуж, станет королевой [5]!

Услышав, как высказали вслух её заветные надежды, барышня зарделась. По виду Фань Ляня — образцового денди — невозможно было заподозрить, что он владеет столь патриархальным хозяйством.

— Какие ещё короли границы! — рассмеялся Фань Лянь. — Это слава дедовских времён, теперь уже ничего не осталось! Как пришли японцы, они отняли у нашей семьи большую усадьбу, и дома наши бравые ребята каждый день бьются с ними. Я — образованный человек, меня пугает

один вид оружия, всё это не для меня, так что я прихватил младших брата с сестрой да и убрался в Бэйпин, разыскал там старшую сестру и нашёл у неё приют.

Чэн Фэнтай затаился и, прищурившись, выпустил дым.

— И у тебя ещё хватает совести говорить об этом, тряпка! Вместо того, чтобы охранять свои владения, ты вручил их японцам на блюдечке [6]! Будь я там, разве они посмели бы приблизиться хоть на пядь [7]? Уж я бы прижал япошек так, что у них бы кишки наружу вылезли!

— Не сомневаюсь, — со смешком кивнул Фань Лянь. — Кто же не знает твоего, второй господин Чэн, норова? Настоящий бандит!

Узнав эти подробности, женщины, которых совсем не занимали военные дела, тотчас принялись над ним подтрунивать:

— Лянь-гэ сегодня вечером ни разу не выиграл, неудивительно, что он прибедняется, не верьте ему. Бойцы семьи Фань сражаются с японцами, разве этого недостаточно? Второй господин Фань несколько лет учился за границей, так что привык к виду цветущих уголков, а потом ему пришлось вернуться в пустынные поля, где стоит форт его семьи — немудрено, что он тут же сбежал в Бэйпин, чтобы наслаждаться здесь радостями жизни.

Рассмеявшийся Фань Лянь не стал возражать — должно быть, они попали в точку.

Сидящая за другим столом дама обернулась к нему:

— Второй господин Фань, а что насчёт свадьбы барышни Цзиньлин и шестого господина Шэна? Не знаете, когда сможем отведать свадебного вина?

— И правда, что там с Цзиньлин? — спросил Чэн Фэнтай. — А то твоя старшая сестра тоже позавчера пыталась у меня об этом выведать... Всё покоя не даёт, расспрашивая о делах вашей семьи, эх...

Однако Фань Лянь лишь раздражённо отмахнулся от него:

— Даже не упоминай об этом деле, не хочу снова об этом слышать! Я торжественно заявляю: у моей младшей сестры Фань Цзиньлин с шестым господином Шэном — Шэн Цзыюнем — нет ничего общего, за исключением того, что они учились вместе! А вы о свадьбе! Какая ещё свадьба?! Это всё пустые сплетни, которые разносят те, кто любит совать нос в чужие дела! Только портят репутацию моей младшей сестры почём зря!

Гордый собой сплетник Чэн Фэнтай приподнял брови, отказываясь это признавать.

Слова Фань Ляня лишь подстегнули всеобщее любопытство: все в зале наострили уши в ожидании продолжения, стихло даже клацанье костяшек, однако Фань Лянь так и не раскрыл рта — видимо, то, что было у него на уме, говорить вслух и впрямь было неудобно.

Чэн Фэнтай не выдержал первым: всё же Шэн Цзыюнь, шестой господин Шэн, был младшим братом его бывшего одноклассника, приехавшим в Бэйпин на учёбу, так что второй господин Чэн отчасти принял на себя обязанности опекуна.

— А что не так с младшим господином Шэном?

— Этот шестой мальчишка из семьи Шэн... Эх, мало того, что он не нравится моей младшей сестре — да даже если бы он ей и приглянулся, нашей семье подобный зять не нужен!

— Охо-хо, ты что, смерти моей хочешь! Что же в конце концов такого с случилось с молодым Юнем?

Со стуком опустив костяшку, Фань Лянь обвёл собравшихся изумлённым взором:

— Вы что, правда ничего не знаете? Шэн Цзыюнь содержит актёра!

Все как один заохали, сокрушаясь: такой образованный юноша — и столь непристойно себя ведёт!

— Содержит актёра? — бросил Чэн Фэнтай. — Ещё подросток, а уже содержит актёра?

Сжав пальцами кисть другой руки [8] в жесте глубокого негодования, Фань Лянь от всей души посетовал:

— Ах, и ладно бы простого актёра, ты знаешь, кого он содержит? Самого Шан Сижую! Каждый день бегаёт в театр, да вдобавок строчит статьи о его выступлениях в газету! Совсем нём помешался!

Все как один снова заохали. Попав в лапы прославленного Шан Сижую, это дитя, можно сказать, погибло.

— Шан Сижуй? Опять он! — бросил Чэн Фэнтай.

— Старший зять ведь не смотрел его выступлений, — отозвался Фань Лянь, — но уже слышан о нём?

— Он же самый известный актёр в амплуа дань в Бэйпине, — рассудил Чэн Фэнтай, — как же

мне о нём не слышать? Мне тоже есть, что о нём порассказать.

— Так второй господин поведаёт нам об этом? — со смехом принялись подначивать его остальные.

— Выходит, второй господин Чэн охоч до сплетен?

— Послушать иных, так он — сушья Су Дацзи [9], — покачал головой Чэн Фэнтай, — а иные выставляют его Ма-вэньцаем [10]. Мне же судить трудно. Чача-эр, выбери для старшего братца ещё.

Сидящая рядом госпожа Лю хлопнула Чэн Фэнтая по руке:

— Не стоит позволять третьей барышне вытаскивать костяшки для второго господина — он и так выигрывает слишком часто!

Моргнув, Чэн Фэнтай слегка улыбнулся ей:

— А госпожа Лю хочет сама для меня вытащить [11]?

Он сказал эту двусмысленность вполне преднамеренно, заставив всех за столом весело рассмеяться. Они отлично знали, что острый язык Чэн Фэнтая не знает удержу — воистину другого столь же легкомысленного человека ещё поискать. Госпожа Лю, покраснев, выплюнула: «Тьфу!», а сидевший поодаль господин Лю, расслышав это, досадливо усмехнулся. Подойдя к Чэн Фэнтаю, он ощутимо толкнул его:

— Второй господин Чэн! Не бросайте столь необдуманных слов! Берегитесь, а то я всё расскажу вашей второй госпоже!

— Что рассказывайте, что нет — всё пустое! — со смехом отозвался Фань Лянь. — Где уж моей старшей сестрице вмешиваться в его жизнь!

После этой вспышки бурного веселья разговор снова свернул к пикантным сплетням о Шэн Цзыюне и Шан Сижуге, однако история барышни Фань Цзиньлин уже никого не занимала.

— Шэн Цзыюнь приехал в Бэйпин, чтобы учиться, — начал Чэн Фэнтай, — а в итоге содержит актёра — прекрасно, ничего не скажешь! В сравнении с публичным домом это ещё более дорогая забава! Его брат, само собой, считает, что это я его испортил — в прошлом письме он интересовался, какие в Бэйпине цены, наверняка младший братец опять просил у него денег на содержание, и, само собой, он заподозрил неладное. Лянь-гээр, ты мне скажи, в конце концов этот Шан Сижуй Су Дацзи или всё-таки Ма-вэньцай? В любом случае, бед от него не оберёшься.

Остальные тоже бросились обсуждать Шан Сижую, придавая этим историям всё новые оттенки — по большей части это были пустые слухи [12], истинность которых стояла под большим вопросом. Фань Лянь располагал о Шан Сижую весьма достоверными сведениями, поскольку та на шумевшая история случилась, когда он был в Пинъяне. К тому же, будучи сводным младшим братом второй госпожи, он приходился Чан Чжисиню родственником, пусть и не кровным.

— Я же говорю, Шан Сижуй — и Су Дацзи, и Ма-вэньцай в одном лице, — ответил Фань Лянь. — В тот год в Пинъяне, ох и представление же было! Когда пути Шан Сижую и жены моего старшего двоюродного брата разошлись [13], это взбаламутило артистические круги Пинъяна — все отказывались выступать. Пинъян — это вам не Шанхай, там все поголовно одержимы театром! В наше время простые люди могут не знать, что сменился командующий, а вот кто выступает в каком амплуа, они знают чётче, чем свою родословную. Если актёры говорят «нет», то это значит, что они не будут петь — и тем самым подтолкнут простой люд к нарушению закона — например, курению опиума или ежедневным уличным дракам — тогда они никого не слушают в своём нетерпении и дают выход гневу, размахивая кулаками.

События того года в Пинъяне уже многократно обсудили со всех сторон, однако всякий раз, как всплывала эта тема, она по-прежнему вызывала живой интерес.

— Ну разошлись и разошлись, — заметил кто-то, — отчего же остальные труппы отказались выступать?

— А вы подумайте, — ответил Фань Лянь, — два ведущих актёра в своих амплуа, у каждого — свои поклонники, так что, когда между ними затевается ссора, то на сторону каждого встаёт целая армия, и тогда всё переворачивается вверх дном, хе-хе, такая буря поднимается! В особенности если дело касается труппы «Шуйюнь» — тогда все делятся на два лагеря и начинается безжалостная грызня. В тот день, когда моя двоюродная невестка уехала из Пинъяна вместе с нашим старшим двоюродным братом, Шан Сижуй, будучи не в силах смириться с этим, бросился к колокольной башне и, поднявшись на самый верх, принялся распевать арии дни и ночи напролёт. Можно сказать, что его прекрасный голос стал для жителей Пинъяна спасительным благодатным дождём после долгой засухи. Весь простой люд собрался под колокольной башней и наперебой кричал «Браво!», забив все дороги, дела в торговых кварталах остановились. Встревоженный этим генерал-губернатор Чжан вывел солдат, чтобы разогнать толпу. К этому времени Шан Сижуй допелся до того, что начал харкать кровью, но не желал сдаваться. Ему кричат: «Спускайся!» — а он вместо этого идёт к краю, будто собирается прыгнуть — до смерти всех напугал. В конце концов генерал-губернатор Чжан сам поднялся на башню, чтобы снять его с крыши, приманив, будто кота — пожалуй, тогда-то он и положил глаз на Шан Сижую.

При этом Чэн Фэнтай отметил про себя, что в случае с главнокомандующим Цао Шан Сижуй применил тот же приём, что и прежде с генерал-губернатором Чжаном — всякий раз забирается куда-нибудь и поёт, тем самым привлекая внимание очередного князька, и как знать, кто будет следующей жертвой?

— Говорят, что Шан Сижуй тогда помешался, это правда?

— Помешался или нет, сказать трудно, — ответил Фань Лянь. — Так или иначе, всё это, на мой взгляд, весьма скверно. На руках спустив Шан Сижую с колокольной башни, губернатор Чжан доставил его в свою резиденцию. А потом я и сам уехал из Пинъяна, так что больше его не видал.

Хотя оба героя этой истории были мужского пола, своей романтичностью она необычайно взволновала собеседниц, на лицах которых появилось слегка мечтательное выражение. Однако это своего рода восхищение не мешало им ненавидеть Шан Сижую, завидуя тому, сколь сильно он превосходил их в очаровании.

— Генерал-губернатор Чжан связался с настоящим злым духом [14]! — приговаривали они с таким видом, будто съели что-то кислое. — Вот уж воистину сам навлек на себя беду — а то из-за чего же, по вашему мнению, он потерпел поражение от главнокомандующего Цао?

— Госпожа Хань поведаёт нам о том, как генерал-губернатор Чжан проиграл моему старшему зятю? — заинтересованно спросил у неё Чэн Фэнтай.

Сообразив, что здесь присутствует младший шурина главнокомандующего Цао, госпожа Хань с мягким смехом отозвалась:

— Я лишь передаю то, что говорят люди! Второй господин ведь не желает, чтобы это достигло ушей главнокомандующего Цао? Да и что мы, женщины, можем понимать в таких вещах?.. Сказывают, что тогда их силы были почти равны, но поймавший генерал-губернатора в свои сети Шан Сижуй совершенно вскружил Чжану голову, будто опоив его каким-то гнусным зельем, так что тот даже с кровати был подняться не в силах. Словно стая драконов, оставшаяся без головы [15], солдаты генерал-губернатора терпели поражение за поражением. Как Чжан мог допустить, чтобы главнокомандующий Цао увёл у него из-под носа тридцать тысяч, подкупив их? Командующий должен сохранять ясность ума — ведь если он не может держать под контролем своих бойцов, то что ему остаётся, кроме как сдаться?

— Надо же, ещё и это! — изумился Чэн Фэнтай. — Да этот Шан Сижуй мастерством [16] не уступает Дацзи, а дерзостью — Бао-сы [17]!

— Какое ещё мастерство, сплошное вредительство! — покосилась на него госпожа Хань. — Ах, мужчины, любите же вы отведать на вкус что-нибудь экзотическое. Играя на сцене, Шан Сижуй предстаёт то Ян-гуйфэй [18], то Ван Баочуань [19], постоянно меняется, каждый день что-то новенькое.

Чэн Фэнтай с улыбкой скосил глаза на госпожу Хань, слушая её с крайне серьёзным видом. Ставшая объектом его пристального внимания женщина пришла в полное замешательство и, мигмом позабыв всё, что хотела сказать, поневоле потупила взгляд. Чэн Фэнтай часто так делал, строя глазки и замужним дамам, и юным барышням, совершенно не обращая внимание на уместность, отчего наблюдавших за этим сторонних зрителей поневоле прошибал холодный пот.

Уставив пристальный взгляд на Чэн Фэнтая, Фань Лянь пару раз кашлянул, словно желая сказать: «Попридержите-ка коней, зятёк! Тут так много людей, если так дальше пойдёт, тебя рано или поздно прикончит разъярённый глава семьи!

Фань Лянь с первой же встречи сошёлся во вкусах с Чэн Фэнтаем, так что тот стал ему ближе старшей сестры. Он даже пару раз помогал зятю скрывать его интрижки от своей старшей сестрицы, и когда вторая госпожа, не веря младшему брату, принималась бушевать, тому тоже сполна доставалось за соучастие.

Кто-то, воспользовавшись случаем, спросил Фань Ляня:

— Так Цзян Мэнпин нынче не поёт?

— Да, действительно не поёт, — ответил Фань Лянь. — Чан Чжисинь заглотил её целиком, так что двоюродной невестке даже головы не высунуть. К тому же, она и сама не осмеливается выглянуть на улицу — боится неприятностей со стороны Шан Сижую.

— Да ведь это всё — дела давно минувших дней, — рассмеялся Чэн Фэнтай. — Откуда у Шан Сижую столько энергии, чтобы до сих пор лелеять старые обиды? Опять же, он всего-навсего какой-то там актёришка, что за неприятности он может причинить твоей семье? Неужто у него и на это хватит сноровки?

— Разве ты не знаешь? Сноровки у этого актёришки с избытком. В тот год, когда их пути с моей двоюродной невесткой разошлись, её сердце также покрылось льдом. В память о старой дружбе она передала Шан Сижую труппу «Шуйюнь» — можно сказать, из страха перед ним возместила потери. Впоследствии, когда мы с Чан Чжисинем как-то сопровождали Цзян Мэнпин в театр, чтобы забрать кое-какие вещи, при виде неё тренировавшиеся во дворе дети радостно закричали и, к несчастью, этот шум услышал Шан Сижуй — так он тотчас пришёл в страшную ярость, выбежал из-за занавеса, кипя от гнева, и одним махом выволок супругов на улицу. Как мог молодой господин Чан Чжисинь стерпеть подобное — его достоинством буквально подмели пол! А ведь в то время у него с женой не было ни кола, ни двора [20]...

Всегда превыше всего любивший совать нос в чужие дела Чэн Фэнтай тут же посетовал:

— Жаль, меня там не было, в противном случае я был как следует поучил этого актёришку уму-разуму! Прямо-таки су... — Он хотел было сказать «суцая ведьма», но, вспомнив, что Шан Сижуй — отнюдь не женщина, всё-таки поправился: — Прямо-таки напрашивается, чтобы ему набили морду!

— Такого ещё поди поучи, — со смехом отозвался Фань Лянь. — Когда он выходит из себя, то терпеть это просто нет мочи! Тебе ведь ещё не доводилось видеть, как Шан Сижуй бранится.

— Пусть попробует! — злобно ухмыльнулся Чэн Фэнтай и добавил: — Ты же тогда был в Пиньяне — и что, просто стоял и смотрел на то, как Шан Сижуй измывается над другими?

— Так ведь когда происходит такое дело, как личная ссора, — Фань Лянь со смехом поправил очки, — то посторонним не следует вмешиваться! К тому же, Чан Чжисинь поспешил подобру-поздорову убраться из Пинъяна, так что моя помощь ему и не потребовалась. Тем более, Шан Сижуй, сколь бы возмутительно он себя ни вёл, всё же вызывает жалость — как я мог поднять руку на проигравшего!

Таким уж человеком был Фань Лянь — он имел обыкновение заботиться лишь о себе, предпочитая оставаться сторонним наблюдателем в чужих конфликтах. Однако если этот актёр не вызывал негодования у него, то его зять был человеком совершенно иного сорта.

Чэн Фэнтай насмешливо фыркнул, тем самым выражая своё отношение к жалости, которой якобы достоин Шан Сижуй: с самого начала слушая о том, с каким ожесточением вымещает свою злость этот актёр, он решил, что состраданию тут не место. Если уж к своей шицзе, льнущей к нему, будто нежный цветок к ручью, он проявил не больше жалости, чем текущая вода [21], то заслуживает ли он её сам? В этом мире и без того было слишком много людей, заслуживающих сострадания — в их числе все несчастные, кто разочаровался и отчаялся, допустив ошибку. На протяжении этой беседы Чэн Фэнтай испытывал к Шан Сижую глубокую неприязнь как к порочному человеку [22] — и все его достоинства не в силах были повлиять на это впечатление.

Шан Сижуй был человеком, окутанным сонмом слухов, каждый его поступок порождал легенды — безусловно, они с Чэн Фэнтаем были людьми из бесконечно далёких миров.

Примечания переводчика:

[1] Ярко освещённый — в оригинале чэньюй 燈火輝煌 (dēng huǒ huī huáng) — в пер. с кит. «сиять во мраке ночи».

[2] Очередная свадьба — в оригинале 納妾 (nàqiè) — в пер. с кит. «взять наложницу». Поскольку в Китае традиционно существовало многожёнство, то, помимо первой (главной) жены имелись младшие, которых также можно именовать наложницами.

[3] Мяо 苗 (miáo gén) — группа народов в южном Китае, северном Вьетнаме, Лаосе, Таиланде, Мьянме, по религиозным воззрениям анимисты.

[4] Кстати о моей младшей свояченице, — тотчас отозвался Чэн Фэнтай, — скажи-ка мне, Ляньгэ, отчего мою жену зовут Фань Ю, тебя — Фань Лянь, а в имени свояченицы откуда-то взялся «Цзинь»? Что за путаница такая?

Имя жены Чэн Фэнтая — Ю 游 (yóu) — в пер. с кит. «плавать», «течение».

Имя её младшего брата — Лянь 漣 (lián) — в пер. с кит. «рябь по воде», «течь, литься».

Имя их младшей сестры — Цзиньлин 金铃 (Jīnlíng), где 金 (jīn) в пер. с кит. «золото», а также «металл» в более широком смысле, а 铃 (líng) — «лёгкий, парящий», а также «нежный, мелодичный», также подражание звуку ручья.

[5] Короли, королева — в оригинале используются слова 王 (wáng) — ван — в пер. с кит. «князь», 王妃 (wángfēi) — ван-фэй — в пер. с кит. «княгиня, принцесса».

[6] Вручил на блюдечке — в оригинале 俯首称臣 (fǔ tǒu chēng chén) — в пер. с кит. «как покорный раб».

[7] На пядь — в оригинале 一草 (yī cǎo) — в пер. с кит. «на одну былинку (травинку)».

[8] Сжав пальцами кисть другой руки 握腕 (è wǎn) — этот жест может быть знаком как разочарования и возмущения, так и воодушевления.

[9] Су Дацзи 苏妲己 (Sū Dájǐ) — любимая наложница последнего правителя династии Шан, так прославилась своей развращённостью и жестокостью, что считали, будто её тело захватил дух лисицы— оборотня. Увлекая императора своими жестокими забавами, она послужила причиной падения династии Шан.

[10] Ма-вэньцай 马文才 (Mǎ wéncái) (вэньцай — это звание, которое переводится как «литературный талант»), или Ма Ши (Mǎ Shì) — персонаж из предания «Лянчжу» о Лян Шаньбо и Чжу Интай, за которого хотели выдать Чжу Интай, разлучив её таким образом с возлюбленным Лян Шаньбо, который умер с горя; однако Чжу Интай во время свадебной процессии бросилась в могилу возлюбленного и их души воссоединились, воспарив двумя бабочками.

Подробнее с историей можно ознакомиться здесь:

https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9B%D1%8F%D0%BD_%D0%A8%D0%B0%D0%BD%D1%8C%D0%B1%D0%BE_%D0%B8_%D0%A7%D0%B6%D1%83_%D0%98%D0%BD%D1%82%D0%B0%D0%B9

[11] Хочет сама для меня вытащить? — в оригинале употребляется 摸 (mō), который означает как «выбрать наугад», так и «пощупать, погладить», так что звучит это и вправду весьма двусмысленно.

[12] Пустые слухи — в оригинале чэньюй 道听途说 (dào tīng tú shuō) — в букв. пер. с кит. «слышал в пути, что говорят на дорогах», обр. в знач. «питаться слухами; обрывочные сведения», «за что купил — за то и продаю».

[13] Пути разошлись — в оригинале чэньюй 分道扬镳 (fēn dào yáng biāo) — в пер. с кит. «разъехаться по разным дорогам и взмахнуть поводьями», обр. в знач. «каждый пошёл своей дорогой, расстались».

[14] Злой дух 白虎 (báihǔ xīng) — в букв. пер. с кит. «звезда белого тигра». Этим выражением обозначают кого-то, несущего за собой несчастья.

Белый тигр 白虎 (báihǔ) — мифический покровитель запада, также так именуют злых духов.

[15] Стая драконов, оставшаяся без головы — чэньюй 群龙无首 (qúnlóngwúshǒu) — обр. в знач. «массы без вождя; остаться без руководства».

[16] Мастерство — в оригинале 功夫 (gōngfu) — гунфу, единоборство, обычно переводимое как «кунг-фу», также означает «умение, мастерство, навык» в самом широком смысле слова.

[17] Бао-сы 鲍西 (Bāo-sì) — наложница правителя Чжоу Ю-вана 周幽王 (Zhōu Yōu-wáng), одна из известнейших китайских красавиц. Ю-ван полюбил девушку Бао-сы, которую сделал старшей женой, отстранив прежнюю жену, а её сына сделал престолонаследником.

«Бао-сы не любила смеяться, Ю-ван всеми способами старался её рассмешить, [но] она не смеялась. Ю-ван соорудил [на горах] сигнальные вышки и [установил] большие барабаны. Когда приближался противник, на сигнальных вышках зажигали огни. Владетельные князья [в этом случае] все прибывали [на помощь]. [Однажды] все прибыли, но увидели, что неприятеля нет, вот тогда-то Бао-сы громко рассмеялась. Ю-ван обрадовался этому и много раз зажигал сигнальные огни. После этого [сигналам] перестали верить, и владетельные князья один за другим также перестали являться [на помощь]». (цит. по «Историческим запискам» Сыма Цяня)

Отец отстранённой старшей жены пожелал передать власть своему внуку, поднял восстание и, набрав в союзники окрестные племена, осадил город. Ю-ван зажжёт сигнальные огни, но к нему на помощь никто не пришёл, думая, что огни снова зажгли ради потехи Бао-сы. Ю-ван был лишён трона и, возможно, погиб. (по материалам Википедии)

Об этом говорится в цитате: «Величественна Чжоу держава, но вот род Сы из Бао её сгубил!»

[18] Ян-гуйфэй 杨贵妃 (Yáng-guīfēi) — Ян Юйхуань «танская наложница», одна из четырёх красавиц Китая, героиня поэмы великого китайского поэта Бо Цзюйи «Вечная печаль».

Ян Юйхуань сначала стала женой Шоу-вана 寿王 (Shòu-wáng), сына танского императора, одного из сыновей императора Сюань-цзуна. А позже её полюбил и сделал своей женой сам император. Во время восстания Ань Лушаня Сюань-цзун был вынужден бежать из столицы и, по настоянию охраны, велел задушить возлюбленную из-за обвинений в том, что её кузен-канцлер Ян Гочжун поддерживал повстанцев. (по материалам Википедии)

[19] Ван Баочуань 王宝钏 (Wáng Bǎochuàn) — вымышленный персонаж пекинской оперы, против воли отца вышла замуж за бедняка Сяо Пингуя. Не желая смириться с этим, её отец Ван Юнь забирает зятя на войну и подстраивает так, чтобы он попал в плен. Преодолев множество препятствий, Сяо Пингуй спустя восемнадцать лет всё же воссоединяется с женой, став

императором.

[20] Ни кола, ни двора — в оригинале поговорка 上无片瓦遮身，下无立锥之地 (shàng wú piàn wǎ zhē shēn, xià wú lì zhūī zhī dì) — в букв. пер. с кит. «ни черепички над головой, ни клочка земли под ногами», обр. в знач. «не иметь ничего за душой», «гол как сокол».

[21] К своей шице, льнущей к нему, будто цветок к ручью, он проявил не больше жалости, чем текущая вода — в оригинале выражение: 落花有意，流水无情 (Luò huā yǒu yì, liú shuǐ wú qíng) — в пер. с кит. «хоть нежно льнут к ручью цветы — поток не внемлет их любви».

[22] Испытывал глубокую неприязнь как к порочному человеку — в оригинале 嫉恶如仇 (jí è rú chóu) — в пер. с кит. «ненавидеть порочного человека как врага», обр. в знач. «бороться со злом».

<http://bllate.org/book/17750/1660355>